

Вяткина Вера Александровна, студент магистратуры

Тольяттинский Государственный Университет

Статья на тему «ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, СВЯЗАННЫЕ С КВАЛИФИКАЦИЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ».

Аннотация. В статье проводится анализ актуальных проблем квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Рассматриваются противоречия действующего законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации применительно к определению размера наркотических средств в смесях, квалификации аналогов наркотических веществ, а также отдельным дискуссионным позициям правоприменения.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот наркотиков, квалификация преступлений, смесь наркотических средств, аналоги наркотиков.

Vyatkina Vera Alexandrovna, Master's student

Tolyatti State University

An article on "PROBLEMATIC ASPECTS OF CRIMINAL LAW RELATED TO THE QUALIFICATION OF CRIMES IN THE FIELD OF DRUG TRAFFICKING AT THE PRESENT STAGE."

Annotation. The article analyzes the current problems of crime qualification in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. The contradictions of the current legislation and the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in relation to the determination of the size of narcotic drugs in mixtures, the qualification of analogues of narcotic substances, as well as individual controversial positions of law enforcement are considered.

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, illicit drug trafficking, qualification of crimes, mixture of narcotic drugs, drug analogues.

Незаконный оборот наркотических средств устойчиво занимает одно из первых мест среди транснациональных преступлений. Международно-правовую основу регулирования в рассматриваемой сфере образует совокупность конвенций ООН, ратифицированных Россией: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года [2], Конвенция о психотропных веществах 1971 года [5] и Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [6]. Уже в первой статье Единой конвенции 1961 года закреплено понятие «препарата» как жидкой или твёрдой смеси, содержащей любой наркотик, а пункт 3 статьи 2 той же конвенции обязывает государства применять к препаратам те же меры контроля, что и к входящим в их состав веществам. Конвенция о психотропных веществах 1971 года воспроизводит аналогичную логику в отношении психотропных веществ, добавляя, что при наличии в препарате нескольких веществ к нему применяются меры контроля, предусмотренные для наиболее строго контролируемого из них. Эти конвенционные положения стали отправной точкой при формировании российского законодательства, хотя, как будет показано далее, их имплементация оказалась далеко не бесспорной.

На внутригосударственном уровне базовым актом является Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», воспроизведший в статье 1 конвенционное понятие «препарата» и закрепивший в пункте 4 статьи 2 принцип применения к препаратам мер контроля, установленных для содержащихся в них наркотических средств [15]. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 681 утверждён перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю, структурированный по трём спискам в зависимости от строгости режима оборота [9]. Для целей уголовного преследования принципиальное значение имеет постановление Правительства

Российской Федерации от 01.10.2012 № 1002 [10], установившее значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ применительно к статьям 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ [14].

Вместе с тем нормативная база, при всей её разветвлённости, содержит ряд серьёзных пробелов, которые на протяжении многих лет воспроизводятся в правоприменительной практике. Показательна в этом отношении проблема определения размера наркотического средства в случае, когда оно входит в состав смеси с другими веществами.

М.В. Носков, анализируя действующее регулирование, обращает внимание на то, что примечание к списку № 1 постановления Правительства № 1002 прямо указывает: к наркотическим средствам относятся все смеси, в состав которых входит хотя бы одно из перечисленных в списке веществ, при этом концентрация наркотика в смеси значения не имеет [7, с. 233]. Аналогичного пояснения применительно к спискам № 2 и № 3 постановление не содержит, и это само по себе порождает неопределённость. Однако наиболее острая коллизия возникает в ситуации, когда смесь одновременно включает наркотические средства из разных списков. Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» разъясняет, что при наличии в смеси наркотического средства из списка № 1 размер определяется по массе всей смеси, по наркотику с наименьшим установленным значительным, крупным или особо крупным размером [11]. В отношении же смесей наркотических средств из разных списков без участия веществ из списка № 1 аналогичного правила Пленум не сформулировал [7, с. 235].

Носков М.В. приводит весьма наглядный пример: смесь героина (список № 1) и морфина (список № 2) массой 0,4 г, разделяемая экспертным путём на 0,2 г каждого компонента. При буквальном следовании разъяснениям Пленума всё вещество квалифицируется как героин без значительного размера, что влечёт ответственность по части 1 статьи 228.1 УК РФ с максимальным

наказанием до 8 лет лишения свободы. Между тем 0,2 г морфина самостоятельно образуют значительный размер (порог, 0,1 г), и при сбыте только морфина в чистом виде содеянное подлежало бы квалификации по пункту «б» части 3 статьи 228.1 УК РФ с наказанием от 8 до 15 лет. Получается, что наличие в смеси второго наркотика фактически смягчает ответственность, что противоречит и здравому смыслу, и принципам уголовного судопроизводства [7, с. 236-237]. Предлагаемое автором решение, добавление в пункт 4 постановления Пленума абзаца, обязывающего квалифицировать деяние по наркотику с наименьшим установленным размером при отдельно устанавливаемых компонентах смеси, выглядит логично и устраняет выявленное противоречие [7, с. 237].

Вместе с тем следует оговориться: предложение не охватывает ситуации, когда экспертное разделение компонентов невозможно, а это на практике встречается довольно часто. Кроме того, критерий «наименьшего установленного размера» нуждается в более чётком нормативном закреплении, поскольку для разных списков шкалы размеров не всегда сопоставимы напрямую.

Е.К. Щербакова, А.Р. Арсанов и А.А. Байраков рассматривают проблему смесей через призму судебной практики и приходят к выводу, что суды при вынесении решений неизменно ориентируются на результаты экспертиз, квалифицируя размер наркотика по массе всей смеси [17, с. 60-61]. Анализируемые ими судебные дела, в том числе дело гражданки Ф., по которому Астраханский областной суд отменил оправдательный приговор в связи с тем, что суд первой инстанции неправомерно исчислял размер гашишного масла лишь применительно к его доле в смеси, наглядно показывают: ошибки в квалификации происходят именно тогда, когда суды отступают от правила определения размера по всей смеси [17, с. 61]. Позиция авторов в целом обоснована, однако в ней недостаточно проработана обратная ситуация, которую детально анализирует Носков М.В., а именно случай смеси нескольких самостоятельных наркотических средств, каждое из которых

образует самостоятельный состав более тяжкого преступления. Предложение авторов расширить и структурировать перечень наркотических и психотропных веществ, при всей очевидной полезности, носит скорее технический, нежели концептуальный характер [17, с. 62].

Самостоятельный блок проблем связан с квалификацией деяний, предметом которых выступают аналоги наркотических средств.

А.А. Овчинникова указывает, что отсутствие в перечне ряда веществ, реально причиняющих вред здоровью, влечёт трудности при квалификации и нередко приводит к назначению несправедливого наказания [8]. Эта позиция заслуживает поддержки: перечень запрещённых веществ объективно не успевает за темпами появления новых синтетических наркотиков, о чём свидетельствует и история с «спайсами», массово распространившимися до 2009 года и лишь после запрета поменявшими форму распространения.

Вместе с тем расширение перечня само по себе не устраняет проблему, поскольку законодатель, по выражению В.В. Филиппова, объективно не успевает реагировать на изменения технологий [16, с. 117]. Более перспективным представляется подход, при котором критерии отнесения к аналогам формулируются функционально, то есть через механизм психоактивного воздействия, а не исключительно через химическую структуру.

Для этого, как справедливо предлагают Щербакова Е.К. с соавторами, необходимо во всех без исключения случаях проводить биологическую и физико-химическую экспертизу, устанавливающую характер воздействия вещества на организм человека и его способность вызывать зависимость [17, с. 59-60]. Признательные показания обвиняемого, как правильно отмечают авторы, экспертизу заменить не могут.

Дискуссионной остаётся и позиция Верховного Суда РФ по вопросу о моменте окончания изготовления наркотических средств. Д.А. Жарков подробно анализирует смену позиции Пленума: постановление 1998 года № 9 рассматривало изготовление как процесс, считая преступление оконченным с начала действий, тогда как постановление 2006 года № 14 перешло к

пониманию изготовления как результата, то есть получения готового к употреблению наркотика [4, с. 561-562]. Как отмечает Д.В. Токманцев, позиция 1998 года соответствовала нормам Единой конвенции 1961 года и Конвенции о психотропных веществах 1971 года, трактующих изготовление как процесс [13, с. 55]. Действующее постановление Пленума 2006 года, будучи в большей мере согласованным с нормами Федерального закона № 3-ФЗ, оказывается в противоречии с международно-правовыми обязательствами России.

Д.А. Жарков верно фиксирует это противоречие, однако конкретного пути его разрешения не предлагает, ограничиваясь констатацией необходимости дальнейшего изучения. Между тем практически более адекватным представляется именно подход, при котором преступление считается оконченным с момента получения готового к употреблению продукта, поскольку именно в этот момент реализуется общественная опасность деяния в полном объёме. Соответствующее уточнение могло бы быть внесено в текст Федерального закона № 3-ФЗ с одновременной корректировкой разъяснений Пленума.

Существенной проблемой является также квалификация действий посредника при незаконном приобретении наркотического средства для другого лица. Д.А. Жарков указывает, что прежде действия посредника квалифицировались в зависимости от того, в чьих интересах, сбытчика или приобретателя, он действовал, тогда как постановление Пленума 2006 года закрепило подход, при котором посредник во всяком случае считается действующим в интересах сбытчика [4, с. 563]. Это порождает неопределённость при квалификации действий посредника, действующего в интересах приобретателя: возможна квалификация и как соучастие в незаконном приобретении по части 1 статьи 228 УК РФ, и как самостоятельный сбыт по части 3 статьи 228 УК РФ. Разрыв в санкциях между этими составами существенен, поэтому отсутствие чёткого разъяснения означает не просто теоретическую неопределённость, а прямую угрозу принципу равенства перед законом.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о квалификации преступлений с альтернативным составом. Д.А. Гарбатович обращает внимание на то, что если прежде совершение одного или всех из перечисленных в диспозиции статьи 228.1 УК РФ действий, производства, сбыта или пересылки, квалифицировалось как единое преступление, то в соответствии с актуальными рекомендациями Верховного Суда РФ каждое из этих деяний надлежит квалифицировать самостоятельно [1, с. 24]. Эта позиция расходится с общепринятым правилом квалификации преступлений с альтернативным составом и фактически создаёт прецедент уникального подхода к единичному сложному преступлению, превращая его в совокупность. Обоснованность такого решения с точки зрения теории уголовного права вызывает серьёзные сомнения: альтернативный состав по определению предполагает, что достаточно одного из перечисленных действий для образования оконченого преступления, и совершение нескольких таких действий не должно автоматически умножать число преступлений.

Проблема развития наркопреступности в сети Интернет, обозначенная В.В. Филипповым, образует самостоятельный и весьма острый пласт правоприменительных затруднений [16, с. 117].

Переход распространителей к бесконтактным схемам сбыта, анонимным площадкам и дистанционным методам передачи наркотиков существенно усложняет доказывание умысла на сбыт, разграничение хранения и сбыта, установление предмета преступления.

А.Н. Еремеева в своём обзоре развития внутригосударственного законодательства фиксирует, что основным вектором совершенствования нормативной базы должна оставаться оперативная реакция законодательных органов на появление новых форм преступлений, в том числе путём своевременного внесения изменений в уже действующие акты [3, с. 208]. Констатация верна, однако она оставляет за скобками более сложный вопрос: механизм взаимодействия законодателя и правоприменителя в условиях, когда изменения в перечни запрещённых веществ неизбежно запаздывают.

Возможным ответом могло бы стать законодательное закрепление функциональных критериев отнесения веществ к аналогам наркотиков, позволяющих правоприменителю действовать без ожидания формального включения в перечень.

Завершая рассмотрение обозначенных проблем, нельзя не согласиться с позицией М.В. Носков о том, что строгое ужесточение уголовно-правовой политики без дифференцированного подхода к неоднородным категориям правонарушителей не может само по себе дать ожидаемого криминологического результата [7, с. 234]. Ужесточение санкций в отсутствие точных и непротиворечивых квалификационных правил порождает не сдерживающий, а дисфункциональный эффект: одни виновные несут ответственность за преступления меньшей тяжести, чем те, что фактически совершили, другие, напротив, осуждаются за деяния более высокой категории. Обе ситуации подрывают доверие к правосудию.

Таким образом, проблематика квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств остаётся далёкой от разрешения. Наиболее острыми остаются вопросы исчисления размера наркотического средства в смесях, особенно при одновременном присутствии наркотиков из разных списков; квалификации действий посредника при отсутствии ясных разъяснений относительно случаев, когда он действует в интересах приобретателя; определения момента окончания изготовления наркотика с учётом международно-правовых обязательств России; квалификации деяний с предметом в виде аналогов наркотических средств.

Устранение этих пробелов требует прежде всего корректировки постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 в части, касающейся смесей наркотических средств, принадлежащих к разным спискам, а также внесения в Федеральный закон № 3-ФЗ уточнений, согласующих российское законодательство с конвенционными стандартами в части понятия изготовления наркотических средств. Без этих шагов правоприменительная

практика будет воспроизводить те же системные ошибки, которые фиксирует доктрина уже на протяжении двух десятилетий.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Гарбатович, Д. А. Правила квалификации преступлений с альтернативным составом, обязательным признаком которых является предмет преступления / Д. А. Гарбатович // Российский судья. 2023. № 2. С. 23-26.
2. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесёнными в соответствии с протоколом 1972 года: заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961. Доступ из СПС «Гарант».
3. Еремеева, А. Н. Развитие внутригосударственного законодательства в борьбе с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств / А. Н. Еремеева // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Красноярск, 04–05 апреля 2024 года. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД РФ, 2024. С. 206–208.
4. Жарков, Д. А. Дискуссионные позиции Верховного Суда РФ при квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Д. А. Жарков // Молодёжь, наука и цивилизация : материалы международной студенческой научной конференции, Красноярск, 18 мая 2023 года. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД РФ, 2023. С. 560–563.
5. Конвенция о психотропных веществах: заключена в Вене 21.02.1971. Доступ из СПС «Гарант».
6. Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: принята 20.12.1988. Доступ из СПС «Гарант».
7. Носков, М. В. Некоторые проблемы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств: смеси наркотиков / М. В. Носков // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 7 (83). С. 233–237.
8. Овчинникова, А. А. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров / А. А. Овчинникова // Научное

сообщество студентов: междисциплинарные исследования : сб. ст. по материалам LVII международной студенческой научно-практической конференции. 2019. № 22 (57). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/22\(57\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/22(57).pdf) (дата обращения: 20.05.2026).

9. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» от 30.06.1998 № 681 (ред. от 24.01.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 01.10.2012 № 1002 (ред. от 10.07.2023). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15.06.2006 № 14. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: Ташкент, 17.06.2004 // Бюллетень международных договоров. 2008. № 7. С. 16–22.

13. Токманцев, Д. В. К вопросу о моменте окончания криминального изготовления наркотиков / Д. В. Токманцев // Уголовное право. 2020. № 4. С. 53–60.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.05.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

15. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 января 1998 г. № 2 ст. 219.

16. Филиппов, В. В. Преступность в сфере незаконного оборота наркотиков / В. В. Филиппов // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов XI Международной научно-практической конференции, Могилёв, 07 апреля 2023 года. Могилёв : Могилёвский институт МВД Республики Беларусь, 2023. С. 116–118.

17. Щербакова, Е. К. Проблема квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств / Е. К. Щербакова, А. Р. Арсанов, А. А. Байраков // Государство, общество и личность в современных условиях: актуальные вопросы правового регулирования : сборник научных статей межвузовской студенческой научно-практической конференции, Саратов, 23 мая 2023 года. Саратов : Саратовский военный ордена Жукова Краснознамённый институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. С. 58–63.